

УДК 821.161.3 (075.8)

Сергей Эдуардович Сомов*канд. филол. наук, доц., доц. каф. литературы и межкультурных коммуникаций
Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова***Sergey Somov***Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Literature and Intercultural Communication
of the Mogilev State University named after A. A. Kuleshov
e-mail: somov@msu.by***РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО В КРИТИКЕ А. С. ПУШКИНА**

Анализируется критическая реакция А. С. Пушкина на издание в Петербурге в 1835 г. первого двухтомного собрания сочинений Могилевского архиепископа Георгия Конисского (1717–1795). В обширной рецензии, опубликованной в журнале «Современник», Пушкин проанализировал художественные произведения Конисского, его ораторское и научно-историографическое наследие, а также духовно-философский дневник. Наиболее интересные выдержки из наследия святителя Георгия поэт процитировал в своей статье, чтобы сделать их достоянием широкой общественности. Характер отбора цитат указывает на интеллектуальные и духовные устремления русского поэта в последние годы жизни, помогает понять особенности восприятия творчества белорусского религиозного просветителя художниками и исследователями XIX в.

Ключевые слова: Георгий Конисский, Александр Сергеевич Пушкин, собрание сочинений, творчество, рецепция, критика, слова и речи, лирика, философия, религия, Бог, вера, молитва, покаяние, историография.

The Reception of the Creative Work of George Konissky in A. S. Pushkin's Critique

The article analyzes the critical reaction of A. S. Pushkin to the publication of the first two-volume collected works of Mogilev Archbishop Georgy Konissky (1717–1795) in St. Petersburg in 1835. In an extensive review published in the *Sovremennik* magazine, Pushkin analyzes Konissky's works of art, his oratorical and scientific historiographic heritage, as well as his spiritual and philosophical diary. The most interesting excerpts from the heritage of St. George are quoted by the poet in his article in order to make them available to the general public. The nature of the selection of quotes points to the intellectual and spiritual aspirations of the Russian poet in the last years of his life, helps to understand the peculiarities of the perception of the work of the Belarusian religious enlightener by artists and researchers of the 19th century.

Key words: Georgy Konissky, Alexander Sergeevich Pushkin, collected works, creative work, reception, criticism, words and speeches, lyrics, philosophy, religion, God, faith, prayer, repentance, historiography.

Введение

В 1835 г. в Петербурге вышло в печать первое двухтомное собрание сочинений архиепископа Могилевского и Белорусского Георгия (Конисского) (1717–1795), составленное протоиереем Иоанном Григоровичем. Вскоре, в 1836 г., в журнале «Современник» появилась развернутая рецензия Александра Сергеевича Пушкина на данное собрание с обширными цитатами из него.

Почему из большого количества столичных публикаций того времени поэт избрал для отзыва именно это собрание сочинений? Чем именно привлекло внимание великого поэта по преимуществу религиозное творчество архиепископа? Что связывало Пушкина с белорусскими землями и с Могилевом? Какие мысли святителя Георг

гия оказались созвучными размышлениям поэта на последнем, тяжелом для него этапе жизни? Ответы на эти вопросы дают возможность более глубоко понять позднее творчество поэта, уяснить движения его души.

Белорусские земли и город Могилев были знакомы Пушкину, поскольку он посещал их дважды в своей молодости: первый раз в 1820 г., когда направлялся из Петербурга в кишиневскую ссылку, и второй раз в 1824 г., когда возвращался с юга в Михайловское, под надзор полиции. О втором визите сохранились воспоминания современников поэта, прежде всего офицеров Могилевского гарнизона, с которыми Пушкин был лично знаком и провел несколько веселых часов, скрасивших его длительное путешествие. Посещение белорусских горо-

дов – Витебска и Могилева – впоследствии давало право поэту утверждать, что он видел Европу, хотя за пределы Российской империи, как известно, Пушкин никогда не выезжал. Таким образом, первое в его жизни вынужденное путешествие через белорусские земли оставило яркие впечатления в памяти поэта. Уже это обстоятельство могло быть причиной проявления внимания к изданию трудов белорусского святителя Георгия среди немалочисленных книжных новинок Петербурга того времени. Однако, думается, это было не главным.

Тридцатые годы XIX в. в творчестве Пушкина отмечены углублением его историко-философских и духовно-религиозных исканий. Это период, когда он как реалист-исследователь анализирует становление и развитие российской государственности (в 1833 г. появляется его вершинная поэма «Медный всадник»), ищет для себя пути к обретению внутренней свободы в атмосфере царящего вокруг лицемерия и насилия. Эти искания выводят его на «столбовую дорогу» русской литературы – к православной духовности, к поискам Бога и нравственной чистоты. Не случайно к 1835–1836 гг. относятся такие шедевры религиозной лирики Пушкина, как «Воды глубокие...», «Отцы пустынноики и жены непорочны...», «Мирская власть», «Напрасно я бегу к сионским высотам...» и др. Пушкин искал ответы на сложнейшие философские и жизненные вопросы, которые трудно было найти в мирской беллетристике, поэтому он и обращался к духовной литературе.

Оценка А. С. Пушкиным ораторской прозы Конисского

Анализируя наследие Конисского, Пушкин пишет о том, что Георгий известен российским читателям (равно как и самому поэту) прежде всего как оратор, автор краткой, но яркой и образной речи «Оставим астрономам доказывать...», прославленной во всех русских риториках. При этом он сравнивает путевое приветствие Конисского к Екатерине II с приветственной речью митрополита Филарета (Дроздова) к императору Николаю I, посетившему в 1830 г. холерную Москву. Это сравнение оказывается не в пользу Конисского. Речь Филарета представляется Пушкину «в своей умильной простоте» проявлением «более истин-

ного красноречия», нежели слишком затейливое остроумное приветствие Георгия, содержащее «игру выражений», однако поэт принимает во внимание и различие обстоятельств в том и другом случае, и различие чувств, выражаемых святителями: «Императрица путешествовала, окруженная всею пышностью двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом» [1, с. 94].

Ораторская проза Конисского представляет собой наибольшую по объему часть из сохранившегося его наследия (около 80 произведений). Речь, на которую указывает поэт, была произнесена Георгием во время его последней встречи с Екатериной II в 1787 г. Полное название этого произведения: «Речь Государыне Императрице Екатерине, произнесенная при встрече Ея Величества в городе Мстиславле, во время Ея путешествия по Империи». Это обращение к императрице нетипично для ораторской прозы Конисского и отличается от всех других его речей лаконизмом и особенной восторженностью тона. Сообразно обстоятельствам путевого приветствия, речь действительно мала – 18 строк, но в них оратору удалось создать выразительный образ императрицы.

В отличие от традиционных для ораторской прозы Конисского «сквозных» сравнений Екатерины с императором Константином, Кириллом или апостолом Павлом, он сравнил ее с солнцем. Оставляя доказывать астрономам, что «земля вокруг солнца обращается», оратор здесь утверждает, что «Солнце» подданных русского престола ходит вокруг них, согревая каждого своим теплом [2, с. 242]. Сравнение с солнцем носит универсальный характер. Оно не только устанавливает прямую метонимическую связь с объектом реальности, но вызывает целую цепь ассоциаций духовно-религиозного смысла. Такое сравнение указывает на богодухновенность владычества Екатерины. Еще в язычестве солнце напрямую соотносилось с фигурами Даждьбога и Хорса, а в период христианства почитание светила непосредственно перешло на образ Христа – Солнца Правды, – которого, однако, веками двоеверно живущие славяне все также в буквальном смысле ожидали грядущим с Востока, устраивая храмы алтарями и домаш-

ние «красные углы» на Восток, погребая своих умерших лицами к Востоку, возглаголющая на Великом славословии Всенощного бдения с воздетыми к Востоку руками слова: «Слава Тебе, показавшему нам свет» и др.

Екатерина как Владычица высшего порядка в слове Георгия всеильна, а власть ее всеобъемлюща: «всяк под виноградом своим и под смоковницею своею» устремляет очи ввысь, к небу, к солнцу, как и к Богу. Символика виноградаря и смоковницы также амбивалентна. Она связана с традиционным для христианства именованием народа божьего «виноградом», насажденным десницею Всевышнего, и с устойчивым античным символом изобилия и радости. Венчает речь патетическое обращение к императрице с призывом течь «исполиными (исполинскими. – С. С.) стопами во всех... благонамерениях», оставаясь по-прежнему воительницей, «торжественно» побеждающей «противныя».

В своей рецензии Пушкин анализирует ораторское наследие Конисского достаточно кратко, но емко (это еще одни из примеров его способности лаконично и доступно формулировать сложные умозаключения). Из большого числа сохранившихся произведений по значимости поэт на первое место ставит политические речи Георгия. Лучшей ему представляется полная драматизма речь к Екатерине, которую святитель признал по совершении ее коронации в Москве в 1762 г., когда он приносил императрице жалобы и стенания угнетенного Польшей белорусского народа и умолял ее о заступничестве единоверных.

Примечательной является характеристика Пушкиным белорусов как народа издревле россиянам «родного, но отчужденного от России жребиями войны» [1, с. 95]. С одной стороны, Пушкин как православный и уже вполне имперско мыслящий историк первой половины XIX в. намеренно забывает о том, что белорусские земли в предшествующие времена входили преимущественно в состав других государств (Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой); но, с другой стороны, он разделяет очевидно выраженную в указанной речи мысль Георгия Конисского о духовно-религиозном единстве белорусов и россиян, предполагающем почти «естест-

венным образом» единство гражданско-политическое.

Именно на это указывает Георгий в самом начале своей речи, когда намеренно с патетикой и общепринятой при императорском дворе нарочитой уничижительностью повторяет слова о подданности белорусов российскому престолу: «Между подданными народами Вашего Императорского Величества, – говорит Георгий, – о всерадостнейшей коронации торжествующими, приносит и Белорусский народ, чрез меня, подданника Вашего Величества, всеподданнейшее поздравление» [2, с. 82–83].

При внешней трафаретности фразы тавтологию о подданничестве Конисский использует не случайно: она имеет важное политическое значение и определенным образом призвана настроить царицу на восприятие той проблемы, о которой оратор поведет речь. Георгий подчеркивает, что белорусский народ подвластен русскому императорскому престолу, хотя на самом деле вся белорусская территория в этот момент находится под властью польского короля. С целью достижения собственных архипастырских целей он позволяет себе оправданную дерзость политика, трезво оценивающего изменившееся соотношение сил между европейскими государствами.

Как грамотный оратор, мастерство которого оттачивалось годами (в Киеве, где в Печерской Лавре Георгий в 1744–1746 гг. был на должности проповедника, а затем читал оригинальные курсы лекций на кафедрах поэтики, философии и богословия Киево-Могилянской академии; и в Могилеве, где епископ много проповедовал в храмах своей епархии), Конисский построил речь к русской Императрице как богатый образный рассказ, насыщенный сравнениями и историко-библейскими параллелизмами.

Основу речи составило метонимическое сравнение Беларуси с «тесным Израилем Египта», а России – с «благословенной Богом Палестиной», согласно которому по принципу антитезы выстраиваются два образных ряда, усиливающих идейное и эмоциональное впечатление от рассказа о горестной судьбе гонимых в Речи Посполитой православных белорусов. Отбор образного и словесного материала Георгий осуществляет столь тщательно, что даже при первом непосредственном восприятии речи

слушателями улавливается и первый, прямой смысловый уровень, и образно-метафорический, и ассоциативный. Поясняя сравнение с Израилем и Палестиной, оратор говорит: «Состояние, скажу, людей пределами Российскими огражденных, от состояния людей, хотя единоверных, но в Польской области заключенных» [2, с. 83]. Эпитет «огражденные» не только характеризует пространственные отношения, но и указывает на охраненность, защищенность подданных мощной российской короны от внешнего врага. Напротив, определение «заключенные», помимо прямого значения «находящиеся», указывает на состояние не-свободы, плена и, в контексте библейского сравнения, ожидания избавления, «исхода» от рабства.

Эмоциональная выразительность повествования о польском заточении белорусского народа от фразы к фразе нарастает. Она усиливается Конисским посредством ряда антитез с троекратным рефреном слов «здесь» и «у нас», причем образный ряд ступенчато сужается от высоких символических абстракций к непосредственно осязаемому каждым слушателем факту личного бытия и ценности жизни: «Здесь светильник Веры, от дней Владимировых зажженный, блистает доселе: у нас светильник оный свирепствующие от Запада вихри на многих местах совсем превратили. Здесь храмы Господни славословием имени Его свободно гремят: у нас храмы Божии множайшие отняты, прочие опустошены и запечатаны, разве сов и вранов гнездящихся гласы издают. Здесь чем кто благочестивее, тем и честнее: у нас благочестивым именовать в студ ставят; за благочестие раны, узы, темницы, домов разорение, а нередко и живота лишение издревле терпим» [2, с. 83].

По верному замечанию Пушкина, эта речь Конисского имела серьезные последствия в будущем: «Екатерина с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных, и, когда несколько времени спустя св. синод думал вызвать Георгия и поручить в его управление Псковскую епархию, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгий нужен в Польше» [1, с. 95]. Именно там, на белорусских землях, святитель оставался до конца своих дней и смог начать эпохальный по своему характеру процесс воссоединения

униатов, который затем уже в XIX в. заканчивал Полоцкий митрополит Иосиф Семашко с единомышленниками.

В отношении проповедей (церковных слов) Конисского, Пушкина более привлекала содержательная сторона произведений, нежели их литературное оформление. Слова Георгия в свое время были обращены к загнанной в невежество белорусской пастве, и поэтому неслучайно Пушкин отметил одну из важных стилистических примет ораторской прозы святителя – ту безыскусность, с которой он обращался к простолюдинам: «Проповеди Георгия просты и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна» [1, с. 95].

Оценка роли Конисского в истории

Наиболее значимые факты биографии Конисского Пушкин почерпнул из предисловия Григоровича и высоко оценил его работу: «Ныне протоиерей И. Григорович, – заключает Пушкин, – издал собрание сочинений Георгия Конисского, присовокупив к книге своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописание Георгия Конисского» [1, с. 96].

В противовес представлениям современников об архиепископе Георгии только лишь как об остроумном ораторе Пушкин говорит о нем как о великом историческом деятеле: «Но Георгий, – пишет он, – есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории», – причем одному из сложнейших периодов нахождения Беларуси «под игмом Польши» и под игмом гонений на православие со стороны католического фанатизма [1, с. 96]. Чтобы подтвердить свою мысль, Пушкин прослеживает основные вехи жизненного пути Конисского, причем как историк сразу абсолютно точно определяет главное дело жизни святителя – ни науку, ни творчество, ни даже проповедничество, а защиту белорусской паствы от униатско-католических гонений, деятельность, которая несколько раз едва не стоила ему жизни. Это представляется Пушкину наиболее важным, поэтому в статье он приводит в подробностях случаи покушения на Конисского в Орше и Могилеве, подтолкнувшие его к обращениям к Екатерине II и в Москве, и в Петербурге, к королю Станиславу

Понятовскому в Варшаве, а также к участию в опасной для жизни деятельности в составе Слуцкой конфедерации и др.

«Доминиканец Овлачинский, прославившийся ненавистью к нашей церкви, – пишет Пушкин, – замыслил принести Георгия в жертву своему изуверству. В 1759 г. Георгий, презирая опасности, ему угрожающие, поехал обозревать сетующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Орше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон и с воплем ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеинского монастыря, откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свирепый Зенович, предводительствуя иезуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиепископский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг; но, к счастью, не нашли Георгия, скрывшегося в подвалах своего дома» [1, с. 94].

Избранные Пушкиным духовные мысли

Значительную часть рецензии Пушкин посвящает духовно-религиозным «Мыслям» Конисского, которые представляют собой философский дневник писателя. Их содержание по большому счету полностью соответствует церковному статусу и священному христианскому сану Конисского. Главная тема – поиск пути спасения, соединения человека с Богом, со Христом. Пушкин выбирает из дневника те высказывания, которые кажутся ему наиболее важными, духовно полезными читателю: это мысли о бессмертии, о молитве, о покаянии в грехах, о развивающемся в обществе безбожии, о добрых делах, о необходимости духовной ответственности за то слово, которое несет автор читателям.

Например, размышляя о молитвенном делании, Пушкин приводит такую цитату Георгия: «Говорят многие: почему молитвы наши ни чудес не творят, ни лучшей перемены в нас не производят. Ах, стыдно и вспоминать молитвы наши! Об них можно то же сказать, что сказал кормчий одному бывшему на корабле беззаконнику. Когда

во время сильной и опасной бури все плаватели обратились к молитве и вместе с ними и оный беззаконник нечто промолвил, то кормчий остановил его сими словами: «Ты, пожалуй, помолчи: не знает-де бог, что и ты с нами, и потому еще между отчаянием и надеждою находимся; а как-де услышит твою святую молитву, так мы и погубим». – Достойна ли молитва имени своего, когда она в одних устах обращается, а ум не помнит и не знает того, что болтает язык?» [1, с. 98].

Представляется важной еще одна цитата Георгия, которая касается мировоззренческого состояния современного ему европейского и российского общества в аспекте отстаивания своих идеалов как истинных. Очевидно, что Пушкин приводит ее потому, что считает актуальной не только для эпохи Просвещения, но и для XIX ст.: «Нигде не читаем, чтобы язычники страдали так за своих идолов, как мученики христианские за веру Христову. Да и в нынешних богоборных сонмищах атеистов и натуралистов, в главных гнездах их, во Франции и Англии, нашелся ли хотя один такой ревнитель, который бы за безбожие свое или натурализм произвольно на муки дерзнул? У нас в России за несколько пред сим лет известный боярин, уличенный в безбожии, одним показанием кнута отрекся того» [1, с. 98].

Знакомство с выбранными Пушкиным цитатами святителя Георгия показывает, что появление в 1836 г. удивительного по глубине мысли и художественному совершенству стихотворения «Отцы пустыньники и жены непорочны...» является неслучайным. Это поэтическое переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина стало итогом длительных раздумий поэта о молитве, посте, грехе и покаянии. Вне всякого сомнения, духовные размышления Конисского сыграли свою роль в эволюции мировоззрения Пушкина от юношеского романтического гедонизма к идеям мудрого смирения и осознанного аскетизма, преимущества духа над плотью. Например, Пушкин повторяет слова Георгия: «Радость плотская ограничивается наслаждением: по мере, как затихает веселый гудок, затихает и веселость. Но радость духовная есть радость вечная; она не умалется в бедах, не конча-

ется при смерти, но переходит и по ту сторону гроба» [1, с. 98].

Оценка поэтического наследия белорусского архиепископа

Поэзию Конисского в художественном отношении Пушкин оценил невысоко, однако отметил содержательную сторону его произведений – «дух мыслящий» и процитировал наиболее значимое, с его точки зрения, стихотворение – духовно-философскую элегию «Серпа ожидают созрелые класы...» (колосья), в которой речь идет о смерти и том багаже, с которым человек подходит к неизбежному пределу своего земного существования.

В стихотворении Конисского говорится о седовласом человеке, которому за пятьдесят и который приближается к смерти. Пушкину, читавшему это стихотворение, не было пятидесяти, и он не был сед, но, очевидно, что мысли о близком конце жизни, в особенности в связи со сложившимися жизненными обстоятельствами, его посещали неоднократно. Вот почему именно это стихотворение «задело за живое» русского поэта, которому, как мы знаем, действительно оставалось немного жить:

*Серпа ожидают созрелые класы;
А нам вестники смерти – седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зеркало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь правосудному богу?*
[1, с. 99–100].

Уходящему из этого мира, по вере православных христиан (в отличие от католиков с их представлениями о чистилище), открываются всего два пути: в Царствие небесное и в геенну огненную. И определяют они исключительно внутренним духовно-нравственным состоянием человека, отягощенного грехами, но еще имеющего возможность покаяния и совершения добрых дел.

*Поверь же, не увидишь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча веры;
Затворятся брачные буим девам двери.
Может быть, при смерти, «помяни мя» скажешь
И тем уста свои навсегда завяжешь.
И так, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принести остается*
[1, с. 100].

Последние две строки, по сути, являются основным выводом и данного стихотворения, и всего собрания сочинений Конисского, равно как и пушкинской рецензии.

Заключение

Георгий Конисский, будучи одним из образованнейших людей своего времени (профессор трех кафедр и ректор Киево-Могилянской академии, автор ряда научных трудов), привлек внимание Пушкина и как историк, и как христианин-философ, и как проповедник, и как государственный деятель, сыгравший свою роль в международной политике Екатерины II в период первого раздела Речи Посполитой и присоединения к Российской империи обширных земель на Западе.

Созвучие духовных и интеллектуальных исканий поэта с содержанием произведений белорусского святителя (уже в наше время канонизированного церковью в лике святых) представляется главной причиной появления в печати пушкинской рецензии с выраженным стремлением наиболее важные, с точки зрения поэта, мысли святителя Георгия не столько подвергнуть аналитическому разбору, сколько процитировать целиком, сделать их достоянием большего числа читателей, которым может быть недоступно само собрание сочинений.

В целом в плане значимости многообразного по своему составу наследия архиепископа Пушкин наиболее высоко оценил Конисского не как поэта или проповедника, а как историка. Об этом он пишет в заключительной части своей рецензии, где говорит о работе Георгия, еще не увидевшей свет. До появления собрания сочинений белорусского архиепископа внимание поэта привлекла рукопись «Истории русов или Малой России». С текстом этой работы Пушкин был хорошо знаком, поскольку счел необходимым дополнить свою рецензию на собрание сочинений публикацией отдельных фрагментов рукописи, в частности о введении унии, о гибели Стефана Острианицы и др. В отношении историографии Конисского поэт заключает, что он как историк еще не оценен по достоинству, и выражает надежду на достойное издание «Истории Малороссии» в будущем. Эта книга, составленная на основе собранных Георгием исторических документов, дейст-

вительно впоследствии была опубликована, но получила весьма неоднозначные отзывы в среде профессиональных российских историков, что негативно отразилось на научном авторитете Конисского. Тем не менее

как явление в историографической мысли того времени она представляет исследовательский интерес, но до сих пор не подвергалась научному анализу и не получила исчерпывающей оценки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин, А. С. Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского, изд. протоиереем Иоанном Григоровичем. СПб. 1835 / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин. – М. : Худож. лит., 1959–1962. – Т. 6 : Критика и публицистика. 1962. – С. 94–106.

2. Слова и речи Георгия Конисского, Архиепископа Могилевского. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и Литогр. Я. Н. Подземского, 1892. – 469 с.

3. Собрание сочинений Георгия Конисского, Архиепископа Белорусского / Изд. прот. И. Григорович. – СПб. : Тип. Императ. Рос. Акад., 1835. – Ч. 1–2.

REFERENCES

1. Pushkin, A. S. Sobranije sochinienij Georgija Konisskogo, arkhijepiskopa Bieloruskogo, izd. protojeriejem Ioannom Grigorovichiem. SPb. 1835 // A. S. Pushkin // Sobranije sochinienij : v 10 t. / A. S. Pushkin. – M. : Khudozh. lit., 1959–1962. – T. 6 : Kritika i publicistika. – 1962. – S. 94–106.

2. Slova i riechi Georgija Konisskago, Arkhijepiskopa Mogilevskago. – Mogiliev-na-Dnieprie : Skoropiechatnia i Litogr. Ya. N. Podziemskago, 1892. – 469 s.

3. Sobranije sochinienij Georgija Konisskago, Arkhijepiskopa Bieloruskago / Izd. prot. I. Grigorovich. – SPb. : Tip. Impierat. Ros. Akad., 1835. – Ch. 1–2.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 01.03.2022